

Г. В. Грошева

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ НЕМЦЫ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ: ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ДВОЙНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ¹

На основе микроисторического подхода рассматривается проблема формирования и поддержания двойной идентичности в среде молодого поколения немцев-переселенцев из этнически смешанных русско-немецких семей, прибывших в Германию из стран СНГ. Работа основана на материалах полевых исследований методами глубинного интервью и включенного наблюдения 2014 г. в Баден-Вюртемберг (ФРГ). Исследуется опыт успешной интеграции немцев-переселенцев в немецкое общество. В качестве факторов формирования двойной идентичности выделены культурно-исторические корни переселенцев и современная культурная реальность принимающего сообщества. Выявлены движущие силы и механизмы, лежащие в основе формирования позитивной русско-немецкой идентичности. Отмечены эссенциалистская и инструменталистская составляющие целевых установок приверженности русскому языку и культуре.

Ключевые слова: миграция, второе (полторное) поколение мигрантов, русскоязычные немцы-переселенцы, Германия, двойная идентичность, интеграция.

Сохраняющиеся сложности процесса интеграции немцев-переселенцев из стран постсоветского пространства в современной Германии обуславливают необходимость изучения проблем самоидентификации и опыта социальной адаптации русскоязычных немцев различных социальных и возрастных групп.

Численность русскоязычных немцев в ФРГ продолжает расти. На сегодняшний день согласно статистике Федерального административного ведомства Германии, она составляет 2 386 851 чел. (1950–2017 гг.). С 1990 по 2016 г. в страну переехало 2 120 279 чел. ((Spät-) Aussiedler und ihre Angehörigen. Zeitreihe, 1950–2016: 5). В 2016 г. в Германию из стран СНГ переехало 6 572 чел. (Spätaussiedler und ihre Angehörigen. Jahresstatistik, 2016: 2), в 2017 г. (январь-сентябрь) – 4 677 чел. В 2017 г. наибольшее число переселенцев приехало из Российской Федерации – 2 078 чел., Казахстана – 1 785 чел., Украины – 510 чел., Кыргызстана – 88 чел., Белоруссии – 76 чел. К примеру, из стран Восточной Европы в этом же году в Германию прибыло 11 чел., в том числе с территории Польши – 7, Румынии – 3, бывшей ЧССР – 1 (Spätaussiedler und ihre Angehörigen. Monatsstatistik September, 2017: 3).

В российской науке существует огромное количество работ, посвященных разнообразным аспектам изучения вопросов миграции русскоязычных немцев-переселенцев в Германию, государственных форм поддержки переселенцев, их социальной адаптации и интеграции в немецкое общество, этнокультурной специфики, опыта реэмиграции и др. Среди известных ученых, работающих в этой области можно назвать М. С. Савоскул, Е. В. Казарцеву, И. В. Лебедеву, М. А. Ефремову и др. Меньше работ посвящено такой проблематике как идентичность и трансформация самосознания немцев-переселенцев (Менг, Протасова, 2015; Попков, 2013; Иванова-Бучатская, 2010), специальному изучению интеграции русскоязычной молодежи в немецкое общество (Казарцева, 2009; Стерликов, 2007). Исследования, посвященные вопросам вхождения в новую культурную среду молодых русскоязычных иммигрантов, ведутся и в Германии (см.: Казарцева, 2009: 124). Однако феномен актуализации «русских» исторических корней в среде успешно интегрированного молодого поколения немцев-переселенцев, прибывших в Германию из стран СНГ, остается мало изученным.

Цель исследования – охарактеризовать факторы и механизмы поддержания двойной идентичности молодого поколения русскоязычных немцев-переселенцев в Германии.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

В нашем случае это респонденты, переехавшие в основном из России, а также из Казахстана и Кыргызстана. В общественном немецком дискурсе, несмотря на страну исхода, эта категория мигрантов именуется «русские немцы» или «российские немцы».

Предлагаемое исследование основано на микроисторическом подходе и нацелено на выявление и характеристику индивидуальных стратегий формирования и поддержания идентичности в многомерном социальном пространстве. В центре внимания такого подхода находятся, прежде всего, конкретный человек, его внутренний мир, его социальные практики. Выбор микромасштаба даёт возможность взглянуть на происходящие процессы с позиции их участников (Далгат, 2014: 92), реконструировать жизненные стратегии, видимые «только с очень близкого расстояния» (Гусева, 2014: 17), увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни» (Побережников, 2010: 8), что позволяет получить выводы, ценные для антропологического постижения истории.

Особое значение при изучении рассматриваемой проблемы имели понятия «интеграция» и «второе поколение иммигрантов». Оба понятия имеют широкое толкование в научной литературе. В данном исследовании под интеграцией понимается вид адаптационной стратегии, предполагающий как сохранение культуры происхождения, так и принятие культурных особенностей принимающего общества. При этом интеграция предполагает такую степень включенности иммигрантов (переселенцев) в жизнь принимающей страны, когда они практически не отличаются от большинства местного населения по объективным (социально-экономическим или культурным) показателям (Казарцева, 2010: 392; Малахов, 2015: 32–33). Второе понятие также требует уточнения. В нашем случае речь идет о людях, т.н. «полупорного поколения», родившихся за пределами принимающей страны, но приехавших (или привезенных) в нее до 18 лет. Термин «полупорное поколение» является детализацией понятия «второе поколение», ставшей результатом дробной классификации этой категории мигрантов на поколение 1,25, поколение 1, 5 и поколение 1,75 (см.: Варшавер, Рочева, Иванова, 2017).

Статья основана на эмпирическом исследовании, проведенном в Германии в 2014 г. в Филлинген-Швеннингене (федеральная земля Баден-Вюртемберг, ФРГ) при помощи качественных методов: полуструктурированные глубинные групповые и индивидуальные интервью, а также включенное наблюдение. Во время интервью затрагивались такие темы как краткая история семьи и история переезда в Германию, плюсы и минусы жизни в Германии; особенности взаимоотношений в кругу друзей, в школьном, студенческом или рабочем коллективе в контексте отношений между российскими немцами и немцами Германии; понятие Родины и понятие дома, воспитание детей; этническая самоидентификация, степень интеграции в немецкое общество; цели и способы сохранения русского языка и культуры. Все интервью проходили на русском языке, в виде свободной беседы, и записывались на диктофон с согласия собеседников. Однако интервью давалось респондентами на условиях сохранения конфиденциальности персональных данных, поэтому при цитировании материалов в статье используется шифрование с указанием пола и возраста респондентов. В ходе включенного наблюдения имелась возможность наблюдать условия повседневной жизни респондентов, организацию их личного пространства (автор статьи в период полевого исследования имел опыт проживания в переселенческой семье).

В фокусе исследовательского интереса оказалась молодежь – поколение мигрантов, прибывших в Германию с родителями по программе поздних переселенцев (Spätaussiedler) из стран бывшего Советского Союза в период четвертой волны миграции, в 1990-е гг. Те, кто родился в странах бывшего СССР, но чья социализация проходила уже в принимающей стране – Германии. Как известно, именно молодежь, перевезенная в другую страну в детском и подростковом возрасте, успешнее осваивает новые социальные нормы и ценности и имеет более высокие шансы для интеграции в принимающее общество (Казарцева, 2009: 2). В нашем случае это особенно важно, поскольку исследование представляет собой попытку изучения примера успешной интеграции и формирования позитивной двойной (русско-немецкой) идентичности.

Основными респондентами стали три молодые супружеские пары из этнически смешанных русско-немецких семей, переехавшие с родителями в 1995–1997 гг. в возрасте 8–14 лет, создавшие в Германии семьи и на момент интервью уже имеющие собственных детей. Все респонденты этой группы успешно освоили немецкий язык, получили специальное, в том числе и высшее образование (4 из 6 человек). В качестве респондентов выступили также и родители молодых людей. Это явилось важным моментом, позволяющим обратиться к вопросу о роли семьи в социокультурной адаптации и формировании идентичности представителей молодого поколения мигрантов. Всего в центре внимания, учитывая метод включенного наблюдения, оказались 15 человек (представители трех поколений: молодые супружеские пары, их дети и родители двух пар).

Анализ материалов интервью показывает, что для исследуемой группы молодежи из числа поздних переселенцев, проживающих в Германии долгие годы, вопрос самоидентификации продолжает оставаться актуальным. Для респондентов характерна двойная русско-немецкая идентичность; у представителей мужского пола – с ярко выраженным превалированием русской.

«Вот я бы об этой иллюзии и говорил, люди думают, что они в Германию приехали – к себе домой. А потом оказывается, что, все-таки, не совсем домой. <...> Потому, что у меня кровь немецкая, это не значит, что я – немец. Если себя не ощущаю немцем. Ну как это. Как тебе навязать, что ты – немец? Невозможно» (М., 32 года).

«Так как я считаю себя больше русским, хотя во мне кровь и немецкая есть, поэтому хотел себе русскую девушку, чтобы на русском дома разговаривать, все традиции чтить» (М., 33 года).

«Сложностей так, в принципе, нет с немцами. Единственная сложность, может, с самим собой. Потому что ощущаешь себя больше именно русским, потому что я из России... Поэтому с самими людьми, в принципе, сложностей нет. А вот внутренне себя еще как бы не нашел еще на 100 %» (М., 30 лет).

Представители старшего поколения (родители молодых людей), в том числе и те, кто является этническими немцами, считают себя и своих детей людьми, принадлежащими к двум культурам одновременно. *«То есть, мы русские или немцы? Вот у меня вот такое представление. Вот так вот глобус. Вот здесь Россия, и здесь Германия. И одна богатая, и культурная, и развитая страна, и другая богатая традициями. Я, допустим, вот, чистая немка... Ну, и я люблю очень сильно русский народ. <...> И я так счастлива, что у меня дети наполовину русские, наполовину немцы, как будто мы одной рукой держим Германию, и Россию – другой рукой. Мы, как бы, являемся посредниками, потому что нельзя сказать, что они – немцы (дети респондентки. – Г.Г.). Нельзя сказать, что они – русские. Потому что они наполовину и те, и другие»* (Ж., 58 лет).

Исследуемая группа четко осознает специфику своих мировоззренческих установок в сравнении с коренными немцами, а также с немцами-переселенцами, которые не интегрированы в немецкое общество или интегрированы, но стремятся забыть о «русской» наследственности.

В качестве главного отличия от коренных немцев они называют менталитет. *«Отличия в менталитете. Что бы кто ни говорил, я считаю, нельзя вырвать это просто. Это в корнях сидит. Менталитет – это в крови, это глубже гораздо, чем кажется <...> мыслим по-другому, это самая большая проблема, я считаю. Язык – это не самое главное»* (М., 32 года).

Среди важных характеристик, которые, по мнению опрашиваемых, являются отличительными чертами коренных немцев, отмечены закрытость, расчетливость, приверженность к порядку, законопослушность, вежливость. В целом, для респондентов характерно нейтрально-позитивное отношение к коренному населению Германии, а также стремление перенять лучшие черты.

«Не знаю, может быть, я более такой закрытый что ли стал. Потому что немцы они тоже такие – сами по себе. Русские – они более открытые такие люди. И у меня такое ощущение, что я сам такой же, более закрытый стал. Не такой открытый как русские» (М., 30 лет).

«Я очень многие, как мне кажется, качества от немцев перенял. <...> Они, скажем, ведущая нация во многом. Скажем, почему, это же не просто так, – потому что у них свои цели. Они как-то добиваются, целеустремленные очень. И чистота...» (М., 33 года).

Эти же черты воспринимаются как те, которые отличают в лучшую сторону переселенцев от россиян или жителей СНГ.

«Они нас отдрессировали здесь (смеется. – Г.Г.). <...> Где-то я более дотошный. Пристегиваешься, когда едешь в машине...» (М., 33 года).

«Я приехала в первый раз через 7 лет в Казахстан. Когда я уезжала, там естественно разруха была, там лучше стало. <...> Но это как-то поверхностно. <...> Для меня вот это дико было – я захожу в магазин, здороваюсь, со мной никто не здоровается. Залажу в маршрутку, говорю «Здрасьте!», все молчат» (Ж., 34 года).

У русскоязычных немцев-переселенцев формируется осознание своей отличительности от русских страны исхода. *«Это сосуд, в который все слили, и там это все размешалось. Вроде как и не там, и не здесь. Вроде как географически над Польшей зависли. И всё, и не понятно где. И вроде не немцы, и уже не русские. Ну, мне так кажется, я так себя чувствую. Если разговаривать с русскими, с настоящими русскими в России – это другие люди, на самом деле. Все равно они по-другому мыслят, и они реагируют на слова по-другому» (М., 32 года).*

Респонденты отмечают, что поддерживают хорошие отношения с коренными немцами. При этом уточняется, что это скорее приятельское, а не дружеское по характеру общение. *«У меня много знакомых с баскетбола. Я зимой заказываю русскую баню. <...> И я создаю группу в телефоне, и всех туда приглашаю, там и немцы, и турки, друзья – я приглашаю всех в баню. Вот мы идем туда, паримся, шашлык едим. Такие и немцы есть. Также на свадьбу приглашают, сами приходят на свадьбу и так, по большим праздникам. По работе у нас есть ребята, которые также на день рождения приглашают. <...> Мы пытаемся поддерживать с ними общение. И они с нами, но не как близкие друзья» (М., 33 года).*

В изучаемой группе респондентов присутствует понимание неоднородности немецкого переселенческого сообщества (и по времени иммиграции (отличают себя от представителей более ранних волн иммиграции) и по стратегиям аккультурации (ассимиляция, сепарация, интеграция).

«И потом еще, переселенцы – это слово одно, а оно же тоже очень многослойное. Если, допустим переселенцы 70-х годов, это одни переселенцы, 80-х – другие, 90-х – это вообще – третьи. <...> Скажем, в 70-х годах, которые приехали, они интегрировались. Они полностью интегрировались. Это ехали те люди, которые, действительно, хотели на свою историческую родину. Им так внушили родители, что если будет возможность, то уезжайте в Германию – это наша Родина» (Ж., 58 лет).

«Дальше – баптисты. <...> И у них были свои церкви. Они жили там своим маленьким таким миром. <...> Общиной. И здесь они живут такой же общиной, зная немецкий и хорошо разговаривая по-немецки, они точно также не интегрировались. Они и не русские, они и не немцы. Они живут своим миром. Они строят свои церкви» (М., 60 лет).

В 70-е, 80-е, которые приехали – они как бы немцы, но их дети меньше чего достигли. Потому что у них не было такой задачи, скажем. А вот в 90-х годах приехали люди уже, как раз таки, немецко-русские, уже смешанные семьи. <...> Они сами образованные люди, а если люди образованные, им хочется, чтобы их дети тоже были образованными. <...> И вот в 90-х годах, которые приехали, уже очень много ребят здесь заканчивают институты и работают на хороших должностях» (Ж., 58 лет).

Все представители опрашиваемой группы проявляют стремление не к ассимиляции, а интеграции в немецкое общество с сохранением русского языка и культуры. Эту стратегию

респонденты определяют для себя как наиболее приемлемую. *«Здесь очень много таких как мы – переселенцев, которые, скажем, приехали сюда и вообще забыли, что они там жили. <...> Многие на немецком дома разговаривают. Конечно, мы совсем по-другому к этому относимся. И не забываем наши корни, где мы выросли»* (М., 33 года).

Е. В. Казарцева определяет интеграцию как наиболее успешный вид аккультурационной стратегии. Автор пишет, что подлинная адаптация предполагает, как достижение социальной и психологической интеграции в еще одну культуру, так и сохранение богатств культуры происхождения (Казарцева, 2009: 7). В случае с нашими респондентами можно предположить, что при видимой успешной социальной интеграции психологическая интеграция в немецкое общество является процессом незавершенным.

Исследуемая группа переселенцев второго поколения живет с осознанием принадлежности к двум мирам, двум культурам. Старшее поколение респондентов отмечает, что основной причиной эмиграции было не возвращение на историческую родину, а болезненная экономическая трансформация и ухудшение социально-политической ситуации вследствие развала СССР. При этом в этой среде респондентов можно встретить переживания о том, что они лишили детей родины. *«Но вот у меня, например, неприятное чувство внутри есть, то, что мы у детей отобрали Родину. У них практически сейчас нет ни здесь родины, ни в России. Они как бы между двумя странами, где одной родины, ну с великим патриотизмом, что ли, нету. Потому что мы их, как бы, разорвали»* (М., 60 лет).

Однако среди молодежи сформировалось стойкое убеждение, что у них две родины – Россия (СССР) и Германия. *«Я говорю: «У меня две Родины!». Мне Россия дала очень многое. <...> А здесь мне Германия дала и образование, и спортом мы здесь стали заниматься. Здесь и жена у меня, и ребенок. Все получается здесь. <...> Все равно ближе... Я до сих пор чувствую, что я из России, мои корни в России. И на русском я разговариваю...»* (М., 33 года).

Респонденты отмечают, что в России душевнее, свободнее, но в Германии – порядок, достаток. Свою дальнейшую судьбу практически все из опрашиваемых связывают с Германией, обосновывая это тем, что эта страна является более благополучной в экономическом и правовом плане. *«Я Россию люблю, я люблю туда ездить. Но жить мне комфортнее в Германии... <...> Я знаю систему, я знаю язык, я все знаю, как что где работает. Мне на данный момент было бы в России очень сложно интегрироваться. Хотя если кто-то, не дай Бог, плохо про Россию что-нибудь скажет, мне так больно и так обидно, что чувствуется все равно какой-то патриотизм»* (Ж., 31 год).

Один из респондентов выразил желание вернуться в Россию или, оставаясь в Германии, служить ее благу. *«Хотелось бы, чтобы на самом деле мои дети жили в развивающейся России, чтобы я вернулся к корням истинным. Это у меня на самом деле есть. Но я не могу сказать, что у моей жены такие же мысли, поэтому это уже конфликт. Это уже семейный конфликт. Но у меня есть. Чисто у меня есть такое, такая потребность и внутренний двигатель даже»* (М., 32 года).

Можно предположить, что такая позиция характерна для определенной, пусть и небольшой части молодого поколения немцев-переселенцев. В двойственности их культурной идентичности можно усмотреть большой социальный потенциал, возможность создания коммуникативных сетей в России и Германии, успешного развития российско-германских отношений. Цитируемый выше молодой человек на момент интервью, исходя из своей позиции, сознательно сменил профессию инженера на работу менеджера в международной компании, работающей на пространстве СНГ. *«Вот мне хочется или хотелось бы какой-то вклад сделать в России. Хоть минимально, но хотелось бы что-то сделать. Если я здесь сижу и работаю по профессии на государство немецкое – это хорошо, и реализоваться можно, тоже не вопрос. Но мне хотелось бы сделать какой-то вклад...»* (М., 32 года).

По словам респондентов, их путь к интеграции в немецкое общество лежал через многочисленные проблемы, в том числе назвались факты недоброжелательного отношения со стороны коренных немцев – в школьные годы – сверстников и учителей, позднее – коллег и начальников по работе. Но все эти случаи оцениваются как исключение, зависящее от позиции отдельных людей, а не всего немецкого социума. В целом, свой опыт проживания в Германии молодые респонденты оценивают позитивно. Они выражают признательность своей новой родине, удовлетворены полученным в Германии образованием, местом работы, разворачивающимися перед ними перспективами.

Какие факторы способствуют формированию и поддержанию двойной русско-немецкой идентичности в среде молодого поколения переселенцев, и какие механизмы лежат в основе этого процесса?

Важное значение для поддержания русской составляющей идентичности сохраняют такие внутренние структуры переселенческого сообщества как русские магазины, русские рестораны, русские дискотеки, русскоязычные СМИ Германии, русскоязычные интернет-сайты (одна из опрошиваемых пар познакомилась на одном из таких сайтов) и др.

«<...> создан микромир для русских. И создали же мы сами его. Потому что, как бы, быть более-менее приближенными к России, ну или к своей Родине – Советскому Союзу, потому что многие приехали из Казахстана, из Киргизии. <...> И всё равно все, как мне кажется, чисто мысленно туда тянутся (Ж., 31 год).

«Почему у наших русских здесь, или наших переселенцев, у всех стоят телевизоры с российским телевидением, почему? Музыка играет русская. В ресторанах гулять – тоже только в русских (М., 32 года).

Респондентами отмечен интересный факт: даже более молодые («двадцатилетние», «следующая генерация» – *определения интервьюируемых*) переселенцы, полностью интегрировавшиеся в немецкое общество и практически не говорящие на русском языке, посещают русские клубы, русские дискотеки и др. *«<...> в кавычках, это русская дискотека, то есть там музыка русская играет, и вроде как они идут на «русскую дискотеку», потому что они себя считают русскими, где-то. Но говорят они на немецком, вот. Какой-то абсурд получается. Ну что значит «абсурд»... Они просто и не знают русского языка, потому что и родители их говорить разучились» (Ж., 31 год).*

Важное значение в процессе интеграции поздних переселенцев имеет вертикальная культурная трансмиссия – «передача культурных ценностей, убеждений, умений и мотивации от родителей к детям» (Казарцева, 2010: 391). Материалы интервью показывают, что одним из ключевых институтов социализации респондентов в немецком обществе стала семья. Семья, по выражению О. В. Фрика, это – «тыл, источник сил, позитивного настроения и душевного равновесия» (Фрик, 2015: 441). В опрошиваемой группе удалось избежать конфликта в сфере семейных взаимоотношений, как противоречия между старшими и младшими поколениями мигрантов, причиной которого могла быть потеря традиционных статусных ролей родителей вследствие более успешной социальной адаптации подростков, их более основательной социальной компетенции, превосходящей знания и опыт родителей (Вершинин, 2011: 60). В нашем случае именно при поддержке семьи, родителей происходила интеграция молодого поколения в немецкое принимающее сообщество, адаптация к новым условиям.

Большое значение в опрошиваемых семьях придавалось получению высшего образования. Рассказывая о школе, о сверстниках – коренных немцах, один из респондентов отметил: *«Вообще даже им никто не говорил, что вот давайте, старайтесь, получайте высшее образование. Нас, конечно, родители дома мотивировали. Мама постоянно нас мотивировала очень...» (М., 33 года).* Он же, вспоминая о встрече с бывшей учительницей после окончания института, приводит ее слова: *«Мама ваша всегда говорила, что вы закончите здесь высшее образование».*

Сохранение русского языка и русской культуры также осуществлялось под влиянием семьи. *«Ну что, мне 7–8 лет было, все равно, все разговаривают по-немецки. Вроде немецкий легко дается, я тоже начинала забывать русский язык. И папа <...> занимался со мной. Опять достал букварь, стал заниматься буквами. Читал мне. Не хотел, чтобы я забыла русский язык»* (Ж., 31 год).

Немаловажным является то, что родители молодых респондентов приняли решение при переезде в Германию сохранить русские имена и фамилии (при получении новых документов им, как представителям смешанных немецко-русских семей, было предложено сменить фамилии на немецкие), сохранили себе и детям российское гражданство, продолжают поддерживать тесные контакты с родственниками и друзьями в России и других странах СНГ.

Семья, родственные отношения сохраняют большую значимость во взаимоотношениях опрошенной группы переселенцев. В их кругу поддерживается тесное общение; старшее поколение принимает активное участие в жизни детей и воспитании внуков. Такая позиция способствовала формированию у молодого поколения чувства уважения, признательности и благодарности родителям. *«А мы родителям должны. Всё очень просто. Они приехали – собой пожертвовали, я считаю. Взяли свое образование, выбросили в помойное ведро, можно сказать. Просто сюда перевезли нас, чтобы у нас было лучшее будущее. <...> И мы должны им, и должны им дать что-то, хотя бы в виде продолжения русского языка и менталитета. <...> Вообще, родители – это самое главное для меня ...»* (М., 32 года).

Молодежь в уже созданных собственных семьях также продолжают бережно относиться к русскому языку и традициям русской культуры. Важным оказался выбор второй половины: супругом или супругой обязательно должны были стать выходцы из среды русскоязычных переселенцев.

«Я понимала, когда я училась, или сейчас, когда общаешься с людьми, с немцами, что мы совершенно разные, абсолютно разный менталитет. Что для него хорошо, для меня, например, плохо. Или наоборот. Я думала, нет, я не смогу, чтобы мой муж был немец, я не смогу просто с ним жить. Потому что у нас совершенно разные взгляды на всё. <...>. Я хотела общаться с человеком, который будет на одной волне со мной. Ментальность, менталитет будет один» (Ж., 34 года).

«Ну, у меня супруга, она тоже можно сказать, из бывшего Советского Союза, из Киргизии. <...> Для меня всегда было важно – русская девушка, потому что менталитет такой же и культура. Все-таки, хоть я и приехал в 11 лет сюда, все равно мне ближе русская культура, менталитет. И поэтому для меня было важно, чтобы я мог со своей супругой также по-русски разговаривать» (М., 30 лет).

Молодые люди также отмечают, что знание русского языка способствует увеличению возможностей трудоустройства в современной Германии (например, от устройства в органах полиции до работы в международных фирмах, работающих на пространстве СНГ).

Молодые пары прививают любовь к русскому языку и культуре и своим детям: дают им русские имена, приобщают к традициям русской культуры и православной церкви (в двух из трех опрошенных пар дети были крещены в православной церкви). *«Для меня изначально важно, чтобы мои дети разговаривали просто по-русски. И все традиции, с которыми я вырос, тоже как-то впитали и прочувствовали, потому что это “мое”, это “наше”»* (М., 33 года). Православная церковь, по выражению одной из респонденток, также является «частичкой родины». *«Так же русская церковь, все эти обычаи, все традиции. Это все твоё родное. И ты, когда заходишь, у тебя («Ах!») вся душа нараспаику. Всё, вплоть до мурашек, когда ты стоишь, слушаешь пение или, там, на иконы смотришь»* (Ж., 34 года).

В молодых семьях разговаривают на русском языке, воспитывают детей на русских сказках, учат их читать и писать по-русски. *«Внучка тоже говорит на русском (возраст девочки 4 года – примеч. автора) <...> На русском языке с ней говорить интереснее. С ней можно*

общаться, разговаривать; она знает очень много слов. <...> Песни слушает на русском. Гимн российский почти наизусть знает» (Ж., 59 лет).

Ответы респондентов на вопрос «Почему Вы придаете большое значение обучению детей русскому языку?» содержат желание поддержать психологически комфортную среду общения, сохранить память об исторической родине, а также имеют практическую направленность: «Я не хочу, чтобы домой приходил, и, чтобы со мной ребенок говорил только на немецком языке» (М., 33 года); «Мне кажется нельзя забывать корни. Все равно нам очень важно, чтобы наш ребенок разговаривал по-русски. И знал где-то и корни, и историю своей страны, России» (Ж., 31 год); «Если наши дети не будут разговаривать на русском, то их дети, может уже и знать не будут, что кто-то там когда-то приехал из России» (Ж., 34 года); «Ну, во-первых, потому, что я считаю, чем больше языков ребенок знает, вообще человек знает, тем и лучше. Никогда не знаешь, что будет в будущем. Поэтому если есть еще такая возможность дать с детства еще один язык, надо этим воспользоваться. А во-вторых, для меня русский язык родной. И я хочу со своими детьми общаться на таком языке, на каком мне, скажем, приятнее или ближе» (М., 30 лет). При этом все опрашиваемые отмечали значимость владения немецким языком на высоком уровне для себя и своих детей с точки зрения получения качественного образования и успешной профессиональной деятельности.

Во всех семьях опрашиваемых немцев-переселенцев празднуются и русские, и немецкие праздники, в основном религиозные.

«Так как мы себя русскими считаем, мы дома пытаемся, вот эти все традиции и праздники поддерживать, чтобы все было по-русски. <...> То же Рождество, да, например. Мы, получается, немецкое празднуем, и русское. Получается двойные праздники. <...> И Пасху, да» (М., 33 года).

«Но мы и немецкие традиции чтём. И праздники сейчас. Не забываем об одном и учимся другому» (Ж., 58 лет).

Респонденты, сохраняя свою приверженность русской культуре и традициям, и, одновременно, ориентируясь на активную интеграцию в принимающее общество, не входят в замкнутые иммигрантские структуры («общество внутри общества» (Тимофеева, 2007: 203)), а занимают особую «социокультурную нишу», являясь полноправными членами немецкого общества.

Таким образом, материалы исследования показывают, что двойная русско-немецкая идентичность исследуемой группы молодежи из числа немцев-переселенцев сформировалась под воздействием таких факторов, как память об исторической родине, ее культуре и традициях, так и современная социокультурная реальность в принимающем немецком сообществе. В качестве целевых установок приверженности русской культуре среди молодого поколения немцев-переселенцев можно выделить как эссенциалистскую составляющую (сохранение родного языка и культуры предков), так и инструменталистскую (знание русского языка повышает конкурентоспособность на трудовом рынке Германии). В отношении немецкой составляющей идентичности молодых переселенцев из смешанных русско-немецких семей также можно выделить эссенциальный (осознание принадлежности к немецкому народу «по крови») и инструменталистский (овладение немецким языком, усвоение норм и ценностей немецкого общества для успешной интеграции) уровни.

Механизмами поддержания русской составляющей двойной идентичности являются сохранение крепких семейных связей, заключение браков с представителями семей немцев-переселенцев, приобщение детей к традициям русской культуры и православной церкви; сохранение тесных связей с друзьями и родственниками в России и др. Формирование немецкой составляющей идентичности происходит под воздействием влияния социокультурной среды современного немецкого общества.

Список литературы:

- Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов второго поколения в Москве в возрасте 18–30 лет: первые результаты исследовательского проекта. 2017 // Группа исследований миграции и этничности. – URL: http://mer-center.ru/_integracija_migrantov_vtorogo_pokolenija_v_moskve_v_vozraste_18_30_let_pervye_rezultaty_issledovatel'skogo_proekta/1-1-0-78 (дата обращения: 24.08.2017).
- Гусева И. И. Микроракурсы социального и стратегии их исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – Т. 14, № 2-1. – С. 15–20.
- Далгат Ф. М. К вопросу о концепции и методах антропологии в историческом исследовании // Евразийский союз ученых. – 2014. – № 8-4. – С. 92–94.
- Иванова-Бучатская Ю. В. Российские немцы в Германии: знаковые объекты повседневной жизни и идентичность // Диаспоры. – 2010. – № 2. – С. 137–166.
- Казарцева Е. В. Роль культурной трансмиссии в процессе интеграции русскоязычной молодежи Германии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 12. – С. 391–395.
- Казарцева Е. В. Стратегии аккультурации русскоязычной молодежи Берлина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Т. XII, № 4. – С. 122–135.
- Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. – 272 с.
- Менг К., Протасова Е. Ю. Трансформация культурно-языкового самосознания российских немцев в Германии // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 6. – С. 13–25.
- Побережников И. В. Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 4 (29). – С. 8–13.
- Попков В. Д. «Культурная память» русскоязычных мигрантов в Германии: влияние на формирование новых идентичностей выходцев из бывшего СССР // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. XVI, № 1 (66). – С. 148–166.
- Савоскул М. С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг – Эрланген) // Демоскоп Weekly. – 2006. – № 243–244. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php> (дата обращения: 24.08.2017).
- Стерликов В. Выявление проблем интеграции и адаптации подростков и молодежи из семей русскоязычных переселенцев в Германии // Омский научный вестник. – 2007. – № 2 (54). – С. 62–67.
- Тимофеева К. Г. Чужой среди своих: российские немцы между Россией и Германией / Под ред. С. Ипсен-Питцмайер, М. Кайзера. – Билефельд: Transcript, 2006. – 426 с. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. X, № 3. – С. 201–208.
- Фрик О. В. Семейные ценности и воспитательные стратегии в условиях миграции // Экономика и социум. – 2015. – № 5-2 (18). – С. 440–445. – URL: [http://www.iupr.ru/domains_data/files/sborniki_jurnal/Zhumal%20_5\(18\)%202015%202.pdf](http://www.iupr.ru/domains_data/files/sborniki_jurnal/Zhumal%20_5(18)%202015%202.pdf) (дата обращения: 24.08.2017).
- (Spät-)Aussiedler und ihre Angehörigen. Zeitreihe 1950–2016. Herkunftsstaaten. Bundesverwaltungsamt BRD. – URL: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangehörigkeit/Aussiedler/Statistik/Zeitreihe_1950_2016.pdf?__blob=publicationFile&v=3 (accessed 12 October 2017).
- Spätaussiedler und ihre Angehörigen. Jahresstatistik 2016. Bundesverwaltungsamt BRD. – URL: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangehörigkeit/Aussiedler/Statistik/Jahresstatistik2016.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (accessed 12 October 2017).
- Spätaussiedler und ihre Angehörigen. Monatsstatistik September 2017. Bundesverwaltungsamt BRD. – URL: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangehörigkeit/Aussiedler/Statistik/09_17_Monatsstatistik.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (accessed 12 October 2017).

Грошева Г. В., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2017 г.

G. V. Grosheva

**RUSSIAN-SPEAKING GERMAN MIGRANTS IN MODERN GERMANY:
INDICATORS AND MECHANISMS OF SUSTAINING DOUBLE IDENTITY OF YOUNG PEOPLE**

The paper considers the issue of establishing and sustaining the double identity among young generation of German immigrants coming from ethnically blended Russian-German families who arrived in Germany from the CIS countries in the 1990-s during the fourth migration wave. Micro-historical approach is used in the study. The experience of successful integration of German immigrants into German society is studied. The work is centered on the data of field studies by means of in-depth interview methods and overt observations in 2014 in Baden-Württemberg (Germany).

It was revealed that respondents have the conception of inhomogeneity of German migrant community (according to the time of immigration – they differ from representatives of earlier immigration waves) and by acculturation strategies (assimilation, separation, integration), as well as they have understanding of specific nature of their paradigms compared to native Germans and their distinctiveness from Russians.

The factors of establishing positive Russian-German identity can be defined as: cultural-historical migrants' origins (memories of historical motherland, its culture and traditions), internal structures of immigrant community (Russian shops, restaurants, discos, Russian-language media and websites, etc.), as well as modern cultural reality of accepting German society.

Adherence of young generation of German immigrants to Russian culture can be defined by essential level (saving native language and culture of ancestors) and instrumentalist level (Russian language skills as a condition for increased competitiveness on the German labor market). Regarding the German component of young immigrants' identity both levels can be also defined: perception of adhesion to German people "by blood" and understanding that German language skills, adoption of norms and values of German society contributes to successful integration into accepting community.

It was defined that the important mechanisms of sustaining Russian component of double identity are keeping strong family connections, marriage with representatives from German immigrants families, inclusion of children into traditions of Russian culture and orthodox church; keeping close relations with friends and relatives in Russia, etc. Formation of German component of identity occurs under the influence of socio-cultural environment of modern German society.

The work reveals that immigrants under study live with the perception of their adherence to two different worlds, two cultures. Among young people there is strong belief that they have two motherlands – Russia and Germany (USSR).

Key words: *migration, second (sesquialter) migrant generation, Russian-speaking German migrants, Germany, double identity, integration.*

References:

- Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S. Integraciya migrantov vtorogo pokoleniya v Moskve v vozraste 18–30 let: pervye rezul'taty issledovatel'skogo proekta. 2017 [Integration of second generation migrants, aged 18-30, in Moscow: the first results of the research project. 2017]. Gruppa issledovaniy migracii i ehtnichnosti. URL: http://mer-center.ru/_integraciya_migrantov_vtorogo_pokoleniya_v_moskve_v_vozraste_18_30 лет_pervye_rezultaty_issledovatel'skogo_proekta/1-1-0-78 (Accessed: 24 August 2017). (in Russian)
- Guseva I. I. Mikrorakursy social'nogo i strategii ih issledovaniya [Social aspects and their research strategies] // Izvestiya of Saratov University. New series. Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2014. – B. 14, № 2-1. – P. 15–20. (in Russian)
- Dalgat F. M. K voprosu o koncepcii i metodah antropologii v istoricheskom issledovanii [On the issue of concept and anthropology methods in historical study] // Euroasian Union of Science. – 2014. – № 8-4. – P. 92–94. (in Russian)
- Ivanova-Buchatskaya Yu. V. Rossijskie nemcy v Germanii: znakovye ob"ekty povsednevnoj zhizni i identichnost' [Russian-speaking emigration in Germany: some identification contradictions] // Diaspory. – 2010. – № 2. – P. 137–166. (in Russian)
- Kazarceva E. V. Rol' kul'turnoj transmissii v processe integracii russoyazychnoj molodezhi Germanii [The role of cultural transmission in the process of integration of Russian-speaking young people in Germany] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2010. – № 12. – P. 391–395. (in Russian)

Kazarceva E. V. Strategii akkul'turacii russkoyazychnoj molodezhi Berlina [Acculturation strategies of Russian-speaking young people in Berlin] // The Journal of sociology and social anthropology. – 2009. – Vol. XII, № 4. – P. 122–135. (in Russian)

Malahov V. S. Integraciya migrantov: koncepcii i praktiki [Migrant integration: concepts and practices]. – M.: Fond «Liberal'naya Missiya», 2015. – P. 272 (in Russian)

Meng K., Protasova E. Yu. Transformaciya kul'turno-yazykovogo samosoznaniya rossijskih nemcev v Germanii [Transformation of cultural-language self-consciousness of Russian Germans in Germany] // Ehtnograficheskoe obozrenie. – 2015. – № 6. – P. 13–25. (in Russian)

Poberezhnikov I. V. Mikroistoriya: dejstviya i struktury v istoricheskom kontekste [Micro-history: actions and structures in historical context] // Ural historical journal. – 2010. – № 4 (29). – P. 8–13. (in Russian)

Popkov V. D. «Kul'turnaya pamyat'» russkoyazychnyh migrantov v Germanii: vliyanie na formirovanie novyh identichnostej vyhodcev iz byvshego SSSR [“Cultural memory” of Russian-speaking migrants in Germany: influence on the formation of new identities of descendants from the former USSR] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. – 2013. – Vol. XVI, № 1 (66). – P. 148–166. (in Russian)

Savoskul M. S. Rossijskie nemcy v Germanii: integraciya i tipy jetnicheskoj samoidentifikacii (po itogam issledovaniya rossijskih nemcev v regione Njurnberg – Jerlangen) [Russian Germans in Germany: integration and types of ethnic identity (the study of the Russian Germans in the region Nürnberg – Erlangen)] // Demoskop Weekly. – 2006. – № 243–244. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php> (Accessed: 24 August 2017). (in Russian)

Sterlikov V. Vyyavlenie problem integracii i adaptacii podrostkov i molodezhi iz semej russkoyazychnyh pereselencev v Germanii [Revealing the integration problems and adaptation of teenagers and young people from the families of Russian-speaking migrants in Germany] // Omsk scientific bulletin. – 2007. – № 2 (54). – P. 62–67. (in Russian)

Frik O. V. Semejnye cennosti i vospitatel'nye strategii v usloviyah migracii [Family values and educational strategies in the migration conditions] // Ehkonomika i socium. – 2015. – № 5-2 (18). – P. 440–445. URL: [http://www.iupr.ru/domains_data/files/sborniki_jurnal/Zhurnal%20_5\(18\)%202015%202.pdf](http://www.iupr.ru/domains_data/files/sborniki_jurnal/Zhurnal%20_5(18)%202015%202.pdf) (Accessed: 24 August 2017) (in Russian)

(Spät-)Aussiedler und ihre Angehörigen. Zeitreihe 1950–2016. Herkunftsstaaten. Bundesverwaltungsamt BRD. – URL: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangehörigkeit/Aussiedler/Statistik/Zeitreihe_1950_2016.pdf?__blob=publicationFile&v=3 (accessed 12 October 2017).

Spätaussiedler und ihre Angehörigen. Jahresstatistik 2016. Bundesverwaltungsamt BRD. – URL: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangehörigkeit/Aussiedler/Statistik/Jahresstatistik2016.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (accessed 12 October 2017).

Spätaussiedler und ihre Angehörigen. Monatsstatistik September 2017. Bundesverwaltungsamt BRD. – URL: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangehörigkeit/Aussiedler/Statistik/09_17_Monatsstatistik.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (accessed 12 October 2017).

Grosheva G. V., associate professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaja, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: groshevag@mail.ru